

НА ВТОРОЕ ЛЕТО к труппе Макмастера присоединился молодой Бойд О'Нилл, тот самый, в которого спустя сорок лет она выстрелит. Не то чтобы они обратили друг на друга особое внимание. Ей было четырнадцать, и она по-прежнему играла гонцов и служанок. Он в свои двадцать пять только-только основал актерскую труппу «Клундара», позднее ставшую инициатором проведения одного из крупнейших в стране фестивалей любительских театров. Еще в те далекие годы он работал школьным учителем, иногда писал стихи, охотно говорил на гэльском языке и носил значок общества трезвости «Пионер».

Очевидно, Мак взял его без жалованья — он любил так делать — и, наверное, это вызвало недовольство остальных актеров. Они гордились своей работой: пели, декламировали, падали на задницу с такой самоотдачей, будто от этого зависела их жизнь, и все максимум за четыре фунта в неделю. После лета Бойда ждала работа, поэтому в финансовом, а возможно и в творческом отношении он напоминал хорошо одетого человека в комнате, заполненной голыми людьми. Трудно сказать, кто в подобных обстоятельствах чувствует себя глупее.

Когда я думала о Бойде — а после выстрела я без конца о нем думала, — то вспоминала, что долгие годы многие друзья моей матери отзывались о нем с пренебрежением. По словам Снелла, в нем было что-то «линялое». Лилиан Маквейл говорила, что он стеснительный.

Он не брал в рот ни капли спиртного.

И он не умел играть. Из всех упреков этот всегда казался мне самым смехотворным. Да среди этих актеров было полно тех, кто не умел играть, и никого это не останавливало. Полагаю, подразумевалось, что ему не удавалось раскрепоститься.

Бойд медленно продвигался к цели, не видной остальным, и со временем обрел могущество. Безусловно, это нельзя ставить ему в вину. Он никогда не был «талантливым», что бы под этим ни понимать. Ему не нравилось выходить на сцену — подозреваю, что это вызывало у него отвращение. Он предпочитал наблюдать за людьми и тасовать их у себя в голове. Именно этим и занимаются продюсеры. Бойд был прирожденным стратегом. Поначалу это было не просто разглядеть, еще и потому, что он был идеалистом — верил в будущее ирландского языка, создание подлинно ирландского театра и распространение культуры, отражающей и формирующей национальное государство (Хьюи Снелл прозвал его Твидовыми Штанишками). Сегодня все это звучит слишком пафосно, но в то время к подобным вещам относились на полном серьезе. (Снеллу он отплатил презрением и не простил его даже после того, как взлетел высоко, а бедняга Снелл опустился на самое дно. Когда год спустя после смерти моей матери Снелла выносили в ящике, Бойд уселся в церкви на лучшее место, чтобы от души насладиться зрелищем.)

Как бы то ни было, Бойд преуспел. Пусть на пути своего восхождения он покорежил эго энного числа

людей, скорее всего, действовал он из лучших побуждений: в том смысле, что, будучи идеалистом — или полагая себя идеалистом, особенно в возрасте тридцати-сорока, — он строил карьеру с глубоким убеждением, что одновременно работает на общее благо.

В 1961 году он оставил труппу «Клундара» и ушел на новый национальный телевизионный канал *RTÉ*, продюсером цикла театральных постановок, выходявших субботним вечером. Пленку использовали повторно, и оригинальные записи оказались затерты, поэтому трудно сказать, что в действительности представляли собой те трансляции. Отдельные сохранившиеся фрагменты позволяют судить, что по современным стандартам постановки поразительно медлительны. Поначалу вроде бы возникает ощущение саспенса: кажется, что кадр с чашкой, в которую неторопливо наливают чай, предшествует появлению в окне убийцы с топором, — но нет, это просто чашка чая.

— Сахару? — интересуется женщина с чайником.

Но телевизионный театр неделю за неделей будоражил всю страну. Бойду выпала потрясающая возможность: у него был глаз, наметанный на поиск талантов. Не исключено, потому, что сам он никаким особым талантом не обладал.

«Я рад, что получил эту работу. — Это широко растиражированное заявление он сделал после того, как его назначили на сулящую награды и неплохую пенсию должность заместителя главы Управления по делам театра. — Вокруг полным-полно шарлатанов».

Трудно восхищаться тем, кто без усталости восхищается собой, но что это меняет? Бойд был человеком своеобразным, это верно. Но в нем не было ничего, из-за чего двадцать лет спустя в него следовало стрелять.

Я хорошо помню, как в четыре-пять лет пела для него под запись. Кое-кому нравилось раздувать вокруг

меня ажиотаж, демонстративно игнорируя мою мать, но Бойд, как мне кажется, и вправду любил детей. Они давали ему возможность ощутить себя добрым.

Он таким и был. В числе прочего. Сердце у него было доброе.

Он водрузил на низенький журнальный столик в гостиной огромный катушечный магнитофон, нацепил наушники и сидел, уставившись в пол, пока я пела в тупоконечный серебристый микрофон «Узнаю тебя лучше». Время от времени он бросал на меня короткий взгляд и ободряюще мне улыбался. В эти мгновения он явно от меня шалел. В его обожании не было ничего сексуального, но все-таки это обожание чуть зашкаливало. Он внимал моему детскому голоску с любовью, на которую не имел права. Это воспоминание долго меня не отпускало: возбуждение при виде нового магнитофона, мое чистое милое пение и меланхолия сидящего передо мной на корточках Бойда. Интересно, понимал ли он тогда, что своих детей у него никогда не будет?

Примечательно, что трезвенник Бойд пристрастился к спиртному как раз тогда, когда остальные понемногу бросали пить. Бойд скис к середине жизни. Возможно, он страдал из-за утраты некоего идеала, возможно, из-за смерти своей матери. Он всегда был склонен к соперничеству, но в сорок с лишним и в пятьдесят с небольшим его амбиции обрели новую остроту и стали более болезненными. Возможно, взяв все высоты, доступные в Ирландии, он разочаровался в этой стране и чем дальше, тем больше в ней разочаровывался. Неизвестно, как давно он начал попивать, но, когда я достигла возраста, в котором уже замечаешь подобные вещи, Бойд предпочитал бренди — вполне серьезный напиток. Трудно сказать, напивался ли он вдрызг, но, подозреваю, он почти всегда был навеселе.

Позже, когда ему стукнуло пятьдесят шесть, в город приехал неистовый американский режиссер ирландского происхождения, и жизнь заиграла для Бойда новыми красками. В 1973 году он ненадолго прославился как продюсер известного международного художественного фильма. Фильм, снятый на западе Ирландии в сотрудничестве с RTE, назывался «Моя темная Розалин», а снялась в нем, как легко догадаться, не моя мать, а американская красавица со смоляными волосами Мора Херлайи.

В те времена в Ирландии не снимали почти ничего серьезного, и шумиха вокруг единственного успешного фильма достигла небывалого размаха. Освятить камеру приехал епископ Эльфинский, остановить которого не было никакой возможности. Все отели от Лимерика до Слайго заполнились до отказа, улицы запрудили закусовые на колесах и лимузины. Для Моры Херлайи каждое утро смешивали свежий крем для лица из охлажденных ингредиентов. Оливер Рид затеял в местном пабе драку, впоследствии удостоенную памятной таблички. Фильм привел Бойда на европейские кинофестивали, на красные ковровые дорожки Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Он лично возил копию в Сидней, в Австралию, где у трапа его встречал ирландский посол.

На следующий год Бойд оставил национальный телеканал и, сняв маленький офис на Уиклоу-роуд в центре Дублина, основал независимую кинокомпанию, которую назвал *Cast A Cold Eye Productions* — «Смотри на вещи трезво». Смелый шаг в столь зрелом возрасте — надо думать, позже он пожалел, что на него решился. Следующие пять лет он провел в чистилище под названием «развитие бизнеса», что потребовало от него недюжинного нахальства. Бойд переписывал сценарии, охмурял финансистов мирового уровня, составлял фантастические списки актеров и записывал их

на обратной стороне конвертов, которые слал в Лос-Анджелес своему соратнику-режиссеру, после пика популярности оказавшемуся не у дел.

Следующий значительный фильм так и не материализовался, но Бойд нашел чем заняться. Он дал свое имя шести прекрасным пятичасовым программам Лайама Макматуны «*Lámh, Lámh Eile*»¹ о ремеслах на Аранских островах. Далее последовала серия телевизионных документальных фильмов в жанре «жизнь замечательных людей», под общим названием «Разговор с гигантами», где уже он сам обсуждал проблемы современности с интеллектуалами и творческими личностями вроде Фредди Айера, Исаяи Берлина, ирландского поэта Остина Кларка и католического богослова Ханса Кюнга. Он поддерживал свой имидж на высоком уровне.

Он приходил к нам на поздний ужин, по меньшей мере, один раз. Теперь я понимаю, что мать, похоже, пыталась его очаровать, потому что вокруг этих ужинов для театралов всегда поднималась некоторая суэта. На стол накрывала племянница Китти, главным блюдом был огромный досось, приготовленный целиком; обложенный по краям прозрачными ломтиками огурцов, он разваливался на мягкие розовые куски. Бойд ходил в гости как будто против воли. Я так и вижу, как он отшатывается от остальных, высокий и худой, подчеркнута надменный. Как незаметно слегка пригубливает из бокала, при этом в бокале убывает — как будто его содержимое высасывают через невидимую соломинку. Рано или поздно отпускает в чей-нибудь адрес оскорбительное замечание, произнесенное чуть гнусавым пронзительным голосом, но, если вспыхивает ссора, в ней не участвует.

---

¹ Одна рука, другая рука (*ирл.*).

Я прекрасно помню, как он стоял в гостиной, затылком упираясь в стену. Комнаты на первом этаже были оклеены бледно-голубыми обоями с разводами, того водянистого оттенка, каким окрашивается на закате горизонт. Бойд в этой позе напоминал старинный портрет, писанный несколько веков назад; на лице — печать равнодушия, характерная для облеченного властью мужчины в состоянии усталости.

Что касается секса, то как у него с этим обстояло, сказать трудно. Детей у Бойда не было, что в те времена считалось большим несчастьем, но его жена была очень милой и, по-видимому, преданной мужу. Впрочем, не исключено, что моя память искажена чувством вины. Вот они оба в суде, зал заседаний номер девять, непоколебимо уважаемая пара, связанная близостью и временем; она его любит, он принимает ее любовь и заботу. А вот моя мать — какой контраст! — безумная и чудовищно одинокая.

На похороны он не пришел. За это я ему благодарна.

Бойд О'Нилл умер в семьдесят четыре года, спустя одиннадцать непростых лет после нападения. На пенсии он кочевал от одного комитета или комиссии к другому, ходил в театр Гейт и заглядывал в Европейское общество телепродюсеров. Пил он дома или по случаю в баре «Шелбурнская подкова». Одним зимним днем, незадолго до Рождества, я проходила мимо и видела его там. Он сидел в кресле сразу за вращающейся дверью. Мы встретились взглядами, и он долго не мог отвести от меня глаз. В тот бесконечный миг в них настолько явственно читалась мольба, что после этого Бойд снился мне год или два и во сне просил выстрелить в него еще раз.

Но летом 1942 года (ему двадцать шесть, матери — четырнадцать) вряд ли они перекинулись хоть словом. Она не отходила от Плезанс, а остальные не обращали

на нее внимания, если не считать пары досадных эпизодов вроде того, когда один актер запустил руку ей под блузку, каркнув: «Ну, что тамросло?» — и был он такой обворожительный, что ей захотелось «умереть на месте». В труппе царила заурядная распушенность, но к Бойду это не относилось; он вел себя, как «святоша», набожный и целомудренный.

На фотографии, снятой за год до того, осенью, с актерами труппы «Клундара», двадцатичетырехлетний Бойд сидит в окружении участников одноактной пьесы леди Грегори «Новости расходятся»: женщины в клетчатых шالях, мужчины в кепках или заломленных шляпах, на корточках. Позади стоит высокий полицейский с размалеванными красным щеками, впереди — молодой Бойд О'Нилл с серебряной статуэткой на колене. У него такое открытое лицо, что его можно было бы назвать глуповатым, если бы не спокойные глаза. Он по-своему безупречен — этаким идеальный сын, любимец матери.

Но моя мать его как раз не любила, точнее говоря, ничем не выделяла. Да и история тех летних гастролей (Туам, Суинфорд, Уэстпорт, Каслбар, Килтама, Каван, Келс, Донерайл, Типперэри, Митчелстаун, Фетард, Фермой) привлекала вовсе не скучной фигурой Бойда О'Нилла, а фигурой Кэтрин Оделл, будущей звезды сцены и киноэкрана. Никто не спрашивал: «Каким он был в двадцать шесть лет?» Зато всех интересовало: «Какой она была в четырнадцать? Она уже догадывалась, что готовит ей судьба?»

«Я была всего лишь крошечной мышкой, — говорила она. — Бегала туда-сюда, а когда никто не видел, пела свою мышиную песенку».

Насколько мне известно, всерьез о ней заговорили лишь три года спустя, когда Энью Макмастер упомянул имя семнадцатилетней Кэтрин в письме кастинг-

директору театра Гейт. В нем он давал характеристики нескольким актрисам, объясняя, почему их не следует брать: «слишком манерная», «чахоточная», «глупа как пробка». Но юную Кэтрин Фицморис он все же оценил выше других и не без иронии написал о ней: «Моя юная подопечная из Хоута живет здесь с девочками, пока ее родители откатывают последние гастрольные недели. Кукольная версия Фица. Та же красота, но в женском воплощении. Странная и трогательная. Хорошо читает стихи. В возрасте не уверен».

Что до Бойда, то некоторое представление о его ранних годах я получила благодаря его школьному приятелю по *Coláiste Mhuire* — колледжу Святой Марии — Дермоду Мурхерну, который позже стал епископом Клонферта. После смерти Бойда в 1991 году он опубликовал в школьном журнале — на ирландском, с английским переводом на противоположной странице — глубоко продуманный текст, отдающий дань уважения памяти покойного. Он пишет о непреклонном характере Бойда: «Мы соглашались далеко не во всем» и добавляет, что его друг отличался великодушием, но «выбрал в жизни собственный духовный путь». Мягко сказано. Успех Бойду как телевизионному продюсеру принес спектакль о молодом священнике «Се человек», вызвавший в свое время жаркие споры. Чему был посвящен спектакль — проблеме гомосексуальности, гетеросексуальности или одиночества — сказать трудно. По сюжету молодой викарий после нелегкого дня спасается бегством от любезностей пышногрудой прихожанки, чьи достоинства подчеркивает блузка в рюшечках. Священника играл англичанин, потому что, по слухам, ни один ирландец на эту роль не согласился бы.

Студийная запись давным-давно затерта, но сохранилась одна сцена, снятая вне павильона, в парке

святого Стефана. Красивый печальный священник наблюдает, как беззаботные детишки кидают уткам хлеб. Крутится архивная пленка, а я сижу в просмотровой будке и не могу поверить в свою находку. Перепроверяю: шестьдесят шестой год. Это, без сомнения, первый в Ирландии публичный документ, свидетельствующий о нездоровом интересе священника к детям. Но, как и с чаепитием в комедийном сериале, за которым не стоит ничего, кроме чаепития, затянутая сцена с утками — лишь про кормление уток.

Этот возмутительный (несуществующий) подтекст епископ обходит вниманием и высокопарно продолжает: «Даже в детстве он отличался невероятной скромностью. Он привык довольствоваться малым и был бережлив. Снисходительный с теми, кому было далеко до его интеллектуальных дарований, нежный с нежным полом, он был щедрым к нуждающимся и защищал обездоленных. Было даже время, когда он подумывал о сане, и церковь, как видно по его последующей карьере, понесла в его лице значительную утрату. Однако я всегда испытывал на этот счет сомнения, о которых не говорил вслух. Но, если я и упрекал его в гордыне, то не в мирской, а в духовной. Бойд полагал себя неудачником, даже когда добился власти. Это исказило его восприятие окружающего, и в последние годы ему мерещилось, что в интеллектуальных и художественных кругах его осаждают враги, которых в реальности не существовало».

Или они все же существовали? Моя мать продемонстрировала это майским утром 1980 года, когда поднялась вверх по узкой лестнице в его офис на Уиклоу-стрит с бутафорским пистолетом, оказавшимся настоящим, а вниз спустилась уже совершенно безумной.

«Осаждаемый врагами» — подходящее определение для человека, который, как любят выражаться в Дуб-

лине, «подставился под пулю». Каждый может подставиться — никто не застрахован от ограбления или, скажем, изнасилования. В те трудные, но, бесспорно, более тактичные времена мы существовали в возвратной глагольной форме. Кто-то «убивался», кто-то «разорялся». Например, многие друзья моей матери, актеры, порой признавали, что «замешкались» с оплатой квартиры.

Чтобы поздороваться с моей матерью, Бойд вышел из кабинета в приемную, где за столом сидела его личная помощница Мэри Бохан. Не в его привычках было лично встречать посетителей, но для этого случая он сделал исключение. Он стремился проявить учтивость к известной и уважаемой актрисе; кроме того, это помогло бы сократить время ее визита. Он открыл дверь и направился к ней, ожидая, что она расцелует его в обе щеки — поцелуи тоже не входили в число его привычек, но он знал, что актрисы это любят.

Она тоже двинулась к нему, поднимая обе руки, но тут же резко отшатнулась. Выстрел раздался как будто сам собой — она едва ли успела бы прицелиться. И вообще все выглядело так, словно она понятия не имела, как эта штука оказалась у нее в руке. Глядя на испуганное выражение ее лица, он решил, что она выстрелила в себя, а боль по какой-то загадочной причине ощутил он. Но потом он обнаружил, что цепляется за дверной косяк. И посмотрел вниз, на свою ногу.

Даже тогда, по его словам, он ждал, что она вручит ему пистолет. Она пришла что-то ему отдать, о чем предупредила еще в дверях: «Я пришла кое-что ему отдать». Она заранее позвонила, чтобы сообщить то же самое: ей надо кое-что ему отдать или «что-то ему показать». Он думал, что она имеет в виду сценарий: актрисы вечно рыщут в поисках звездной роли, которая вознесет их на вершину славы. Она и прежде таскала